

**Илья Жегулев
Людмила Романова
Операция «Единая Россия».
Неизвестная история партии власти**

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2553495

*Операция «Единая Россия». Неизвестная история партии власти: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-53224-7*

Аннотация

В 2011 году «Единой России» исполняется десять лет, и представить без нее нашу страну уже просто невозможно. Эта книга – подлинная история «Единой России», повествующая о ее появлении на свет, о том, как она превратилась в «корпорацию» по добыче власти и постамент для властной вертикали. Как и кто на самом деле создавал эту партию? Стала ли она реальным пультом управления страной или всего лишь страховкой для Владимира Путина, защищающей его от других претендентов на власть? Какими привилегиями пользуются члены «Единой России» и как за эти привилегии приходится расплачиваться? Почему главные действующие лица партии все время остаются в тени? Авторы книги отвечают на все эти и многие другие вопросы. В книге приводится масса неизвестных подробностей из жизни, пожалуй, самой мощной и одновременно самой беспомощной партии в постсоветское время и рассказывается о том, что ждет эту партию дальше – еще более глубокое проникновение в нашу жизнь, крах или забвение. Для широкого круга читателей.

Содержание

Дед Мороз – «единоросс»	4
СТАРТАП В ГОРЯЧЕЧНОМ БРЕДУ	6
Противостояние «партий власти»	6
Лидер из ниоткуда	9
Мобилизация под капельницей	12
Герои и геи	15
СЛИЯНИЕ И ПОГЛОЩЕНИЕ	19
«Я отрежу Примакову ногу!»	19
Обратить врага в друга	28
«Чего вы одних параноиков набрали?!»	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Илья Жегулев, Людмила Романова

Операция «Единая Россия».

Неизвестная история партии власти

Дед Мороз – «единоросс»

Предисловие

История наших отношений с «Единой Россией» в какой-то момент оказалась очень личной. «Дистанцию» нам удавалось сохранять и когда в качестве политических журналистов мы писали о методах закрепления главной партии страны у власти, и даже когда слушали рассказы своих родителей о том, как начальство заставляло их отзваниваться и сообщать: на выборы сходили, за «Единую Россию» проголосовали. Многое настораживало, но то, что мы взрослые люди и в состоянии отличить правду от фальши, позволяло сохранять спокойствие. Последней каплей стало, как ни странно, вполне безобидное событие: конкурс детского рисунка на тему «Дед Мороз – “единоросс”», проведенный курским отделением партии в канун 2011 года.

За годы создания роста «Единой России» мы успели обзавестись семьями и нарожать детей. И теперь партия подбиралась к нам с совсем неожиданной стороны. Как раз в это время наши собственные трехлетки собирались на кремлевскую елку, пребывая в прекрасной детской уверенности, что дедушка обязательно принесет праздник не только в Кремль, но и в каждый дом. А мы тем временем мысленно успокаивали себя: как же хорошо, что они еще верят в чудеса и не думают о том, что

«К тем, кто не “единоросс”,
Не приходит Дед Мороз».

Партийный конкурс, правда, был ориентирован на деток постарше: школьников 1–4 классов. Они уже не верят в чудеса, а учитель для них – источник знаний. В какой-то момент учитель скажет, что лучшая партия в нашей стране – это «Единая Россия» и все, кто не враг и не предатель, просто обязаны проголосовать за нее. Вот здесь стало по-настоящему страшно. Вспомнились рассказы наших коллег о школьных поборах на дневники с символикой «Единой России», которые преподносились ученикам как «партийные» подарки. И когда родители попросили освободить их детей от обязанности пользоваться такими подарками, детям было неловко. Мы поняли: быть в стороне от политики не получится. «Единая Россия» приходит к нам в дом независимо от нашего желания.

В курском детском конкурсе ощущалась какая-то безысходность. Даже коммунисты не додумались принять дедушку в свою партию!

История Коммунистической партии писана-переписана, и с ней уже более или менее все понятно. Желаящих же написать историю «Единой России» до сих пор не наблюдалось, исключая разве что «околопартийных» летописцев. Нам показалось любопытным вспомнить, кто, когда и зачем создал эту партию, проанализировать, что из этого получилось и кому сказать за это спасибо.

Сначала мы думали, что сможем рассказать о партии как о некой «корпорации», занимающейся добычей и удержанием власти, но очень быстро поняли, что такой взгляд будет слишком ограниченным, потому что главные действующие лица партии всегда были и до сих пор остаются за скобками этой «корпорации». Разве «Единая Россия» отменяла выборы

губернаторов, перекраивала предвыборное законодательство? Разве Борис Грызлов зачищал политическую поляну и демонтировал гражданское общество? И разве создатели партии Борис Березовский и Владимир Путин хоть на день вступали в ее ряды?

«Единая Россия» – это не только корпорация, это и масштабная политтехнология, постамент, на котором держится вертикаль власти имени Владимира Путина, это пульт, с которого кремлевские инженеры управляют внутренней политикой страны. С 2008 года партия оставалась основной страховкой Владимира Путина, временно ушедшего с главного поста страны, от политических амбиций действующего президента Дмитрия Медведева. У Путина в руках была реальная сила, которая в случае внештатной ситуации могла довести главу государства до импичмента. А сам президент при этом по отношению к премьеру ничего не мог предпринять. Да, главу правительства можно уволить, но разве можно просто так списать со счетов председателя партии, имеющей большинство почти во всех парламентах страны?

В этом году партии власти исполняется десять лет. А кажется, что она существовала всегда. «Единую Россию» можно любить и ненавидеть, но без нее нынешнюю Россию представить невозможно.

Но всегда ли «Единая Россия» была такой, как сейчас? Как создавался феномен «Единой России», и выживет ли она без административной поддержки? Может ли эта партия быть в оппозиции и как поведет себя в условиях настоящей, а не декоративной политической борьбы? Как устроен внутренний механизм партии? Пока министерство образования думает над универсальным учебником по истории России, мы хотим познакомить вас с истинными фактами из биографии, пожалуй, самой мощной и одновременно самой беспомощной партии в постсоветской истории.

СТАРТАП В ГОРЯЧЕЧНОМ БРЕДУ

Противостояние «партий власти» «Единство» против «Отечества»

Осенним вечером 1999 года директор ВНИИ МВД Гуров рассчитывал пораньше уйти с работы: была пятница, а у него на даче стройка в самом разгаре. Вдруг раздался звонок. «Александр Иванович, это из отдела кадров, говорят, вас хотят в депутаты выдвигать», – с удивлением доложила секретарша. Опытному милиционеру стало не по себе. «Елки зеленые, в какие, к черту, депутаты!» – подумал Гуров. Российский парламент образца 1999 года представлял собой страшное зрелище: крики, драки – разве такой жизни хотел для себя милиционер? «Скажи – меня нет, я уже ушел и со мной нет никакой связи», – передал он секретарше. Но, пригрозив барышне санкциями, кадровик все-таки «вышел» на директора ВНИИ. Поговорив, Гуров понял – дело гораздо серьезнее, чем он ожидал. Уже через час служебный автомобиль подвозил его к Кремлю. Недолгое ожидание в приемной, и Гурова пригласили в кабинет, где его с улыбкой встретил приятный на вид человек.

– Ну что, Александр Иванович, на выборы пойдем? – вкрадчиво спросил человек, усмехнувшись в усы. Первого замглавы администрации президента Игоря Шабдурасулова Гуров лично не знал, но понимал, что в этот момент решается его судьба.

– Да нет, я же уже в замминистра иду, – откашлявшись, несмело начал Гуров. К тому времени он считал свое назначение на должность замглавы налоговой полиции делом решенным: документы на повышение были уже готовы, и он уже успел пройти собеседование в Кремле.

– Замминистра? – хитро улыбнулся Шабдурасулов, подошел к сейфу и достал папку. – Вот ваше дело, – он внушительно похлопал по папке, глядя на ошеломленного Гурова. – Соглашайтесь, Александр Иванович.

Через несколько дней Гуров сидел в президиуме учредительного съезда «Единства» в качестве «лица» нового движения. Он стал третьим в списке лидеров избирательного блока: первым шел глава МЧС Сергей Шойгу, за ним – трехкратный олимпийский чемпион, борец Александр Карелин.

«Единство» строилось в авральном режиме и поначалу напоминало большую авантюру. Это сейчас «Единая Россия» заполонила все пространство страны, войдя даже в детские сады и школы. 11 лет назад, как и все «партии власти» современной России, «Единство» создавалось под выборы – для поддержки воли действовавшего президента. Про избирателей, которым хотелось бы лучшей жизни, вспоминали исключительно в предвыборные кампании, быстро «раздавали слонов» и забывали о них до следующего парламентского цикла. Так было и в 1993 году, когда «Выбор России» вернул в правительство Егора Гайдара, за которого Борис Ельцин сражался с Верховным Советом. Так было и в 1995 году, когда премьер-министр Виктор Черномырдин провел в прокоммунистическую Думу совсем небольшую фракцию «Наш дом – Россия», которая пыталась торговаться с парламентариями за проведение решений Кремля. Ничего нового не придумали и с «Единством». Разве что сдерживать оно должно было уже не столько коммунистов, сколько столичного мэра Юрия Лужкова, рвавшегося к власти.

Стать премьером, а затем выиграть президентские выборы – таков был план Лужкова в 1998 году. После августовского дефолта и разгона «младореформаторов» первая часть

плана почти сработала. В Думе шло голосование по кандидатуре премьера. Ельцин предложил Черномырдина. Коммунисты дружно прокатили президентского соратника. Ельцин пошел на уступку: согласился отказаться от данного Конституцией права увольнять премьера. Думским коммунистам идея поначалу понравилась, но в ночь накануне второго голосования Геннадий Зюганов объявил, что они все равно проголосуют против Черномырдина. Как выяснилось, КПРФ договорилась с Лужковым. Кремлю выкручивали руки: или Лужков, или роспуск Думы. Президентская администрация разделилась на две части – многие влиятельные кремлевские чиновники советовали Ельцину назначить Лужкова, чтобы не допускать нового политического кризиса и роспуска Думы. Ельцин не поддавался на шантаж и выдвинул Евгения Примакова, который взял в свое правительство нескольких коммунистов.

Однако Лужков сдаваться не собирался. К парламентским выборам он стал сколачивать свою партию – «Отечество», которая в случае успеха вполне могла стать очередной «партией власти». В стране на тот момент было два центра влияния. С одной стороны, слабый Ельцин и его «семья», не имеющие ни народной, ни партийной поддержки. С другой – контролировавшие Думу коммунисты, которые пугали часть общества, успевшую распробовать вкус частной собственности. Так что запрос на новую политическую силу в стране был. И такой силой становился Лужков. Постепенно столичный мэр объединил вокруг себя больше десятка самых влиятельных губернаторов, чье мнение могло сыграть решающую роль на выборах. Он перестал кричать на каждом углу о дружбе с Ельциным и постепенно перешел в наступление. «Если президент нездоров, так, может, стоит ему уйти?» – настраивал он журналистов.

19 декабря 1998 года состоялся учредительный съезд «Отечества» – в последний день регистрации политических объединений под выборы-99. «Это был съезд победителей. Они чувствовали себя богами. Все были уверены, что они выиграют парламентские выборы, а в середине 2000-го – президентские», – вспоминает атмосферу, царившую на съезде «Отечества» в Колонном зале Дома союзов, политтехнолог Павел Растянников. Забегая вперед, заметим, что этот сценарий будет-таки реализован, только не Лужковым и «Отечеством», а Путиным и «Единством», о создании которого в тот момент еще никто и не помышлял.

В 1999 году Лужков обзавелся важным союзником – Евгением Примаковым – и тем самым многократно повысил свои шансы на победу. Мудрый и выдержанный политик Примаков имел репутацию человека, вытащившего Россию из экономического коллапса. Знаменитый разворот самолета над Атлантикой и отмена визита в США после известия о начале бомбардировок Югославии многим вернул гордость за Россию. А уголовные дела против «Сибнефти» и личная война с Борисом Березовским только добавляли популярности премьеру в народе. В отличие от ельцинской «семьи», которая активно искала повод для отставки премьера. Удобный момент наступил в мае 1999 года. Тогда Дума собиралась объявить импичмент Ельцину, и нужно было срочно что-то придумать, чтобы снять этот вопрос с повестки дня. Примакова отставили, но больше 80 % населения считало, что президент поступил неправильно. А уже в августе Примаков возглавил «Отечество», объединившееся с губернаторским движением «Вся Россия». На фоне Примакова Лужков согласился отойти на второй план.

Кому же должно было бросить вызов «Единство»? Тандем Лужков – Примаков, поддержанный самыми значимыми региональными лидерами, был на тот момент абсолютно безальтернативной политической силой. Безупречно чувствующие конъюнктуру губернаторы всегда идут к сильнейшему, и то, что «Вся Россия» отдала себя «Отечеству», было равносильно победе на выборах. Лидерами «Всей России» были тогдашние президент Татарстана Минтимер Шаймиев и губернатор Санкт-Петербурга Владимир Яковлев. За ними тянулись президенты Башкирии и Ингушетии Муртаза Рахимов и Руслан Аушев. Этот партийный тандем «уже на выборах в Думу мог получить такой оглушительный перевес, что

дальнейшие выборы – президентские – теряли бы всякий смысл, – вспоминал Борис Ельцин о своих переживаниях того времени. – Они могли получить твердое конституционное большинство и вполне легитимную возможность двумя третями голосов внести любые поправки в Конституцию!» Четырьмя годами позже все это абсолютно теми же силами получит «Единая Россия».

Есть такая группа людей – переходящие кадры для «партии власти». Их никогда не подводит чутье, они всегда держат носы по ветру, они всегда с победителями. Многие из них тогда поспешили записаться в ОВР: одномандатник из Татарстана Олег Морозов, зам. губернатора Саратовской области Вячеслав Володин, член думской группы «Российские регионы» Александр Жуков, председатель совета движения «Союз труда» Андрей Исаев – почти все нынешние небожители «Единой России» тогда были в другом лагере. Впрочем, назвать этот блок «оппозицией Кремлю» можно было с большой натяжкой. Это был блок власти, в котором не оставалось места для Ельцина и его окружения. Туда стали перебегать и члены правительства. «Внутри исполнительной власти было много скрытых, а иногда и явных наших оппонентов, которые уже пошли к ОВР, просто они боялись сказать об этом открыто», – говорит Игорь Шабдурасулов, занимавший в 1999 году пост первого заместителя главы администрации президента.

Новый «центр силы» сформировался. В августе 1999 года по Москве ползли слухи, что Лужков с Примаковым уже делят кремлевские портфели, а их свита открывает шампанское. У Кремля не было ничего, что можно было этому противопоставить. А у чиновников администрации президента не было и такого желания: слишком многие поверили в избираемость Примакова президентом, а игра против потенциального победителя никогда не была сильной стороной слуг государевых. Единственное, что могло спасти Россию от лужковско-примаковского будущего, – сильный преемник, в которого готовы были поверить элиты. Тогда это казалось просто чудом – никого похожего на горизонте не было. Да и грош цена была такому лидеру без партийной поддержки. А как доказать избирателю, что это человек не с улицы, что за ним есть политическая сила? Как разговаривать с кровожадными парламентскими фракциями?

Борис Ельцин нашел такого человека. 9 августа 1999 года в своем телеобращении президент представил России своего преемника – и. о. премьера Владимира Путина. 16 августа он стал полноправным хозяином Белого дома. А опальный ныне олигарх Борис Березовский, страдая от болей в позвоночнике и первых признаков гепатита, колдовал над созданием движения «Единство» – политической поддержки будущего президента.

Лидер из ниоткуда Кто помог карьерному росту Путина

«А Березовский – это кто?» – шутил Путин на своей первой большой пресс-конференции в качестве президента два года спустя. Журналисты смеялись – все еще слишком хорошо помнили, что Березовский – это «крестный отец» новой власти и, если бы не он, пресс-конференции в Кремле давали бы совсем другие люди. Летом 1999 года пол-России выдохнуло: «Это кто?», просматривая сюжеты про Путина. «Who is Putin?» – интересовались иностранные журналисты. Тогда фамилии премьеров не успевали запоминать, не то что директоров ФСБ.

Да и запоминать, по сути, было нечего. Владимир Путин был относительно молодым чиновником из Питера, которого в столицу привела череда политических и организаторских провалов. Имевшийся у него опыт публичной политической борьбы был, мягко говоря, неудачным. Кстати, как у всех первых лиц «Единой России».

Впервые в роли политика Путин попробовал себя в 1995 году. Тогда в северную столицу из Москвы поступила разнарядка: перед выборами в Государственную Думу кто-то должен был возглавить местное отделение тогдашней партии власти – «Наш дом – Россия». Путин, работавший заместителем губернатора, согласился. В первой предвыборной кампании он показал себя как хороший охотник за деньгами (собрал 1,1 млрд рублей, тогда как из центра перечислили только 15 млн), но, пожалуй, абсолютно дремучий политтехнолог [1]. «Портретами Виктора Черномырдина в Петербурге было заклеено все: по 10–15 одинаковых плакатов на заборе и до 5 – на одном рекламном стенде», – вспоминает исследователь вопроса Владимир Прибыловский. Местные журналисты долго шутили над тем, как Путин объяснил этот предвыборный ход: «Кашей масла не испортишь, да и мы, наконец, русские люди, подумали: не пропадать же плакатам!» Этот стиль безошибочно узнается и 13 лет спустя: чуть реже, но со схожим упорством «единороссовские» активисты завешивали небо над страной растяжками: «План Путина – победа России!»

Выборы-95 в Санкт-Петербурге НДР под руководством Путина проиграла. Набрав 12,8 % голосов, партия власти заняла лишь третье место после «Яблока» и КПРФ. На региональную часть списка пришлось всего два мандата. НДР смогла выставить своего кандидата лишь в одном из 8 городских округов, да и тот провалился.

Второй проигрыш случился уже в следующем году. Именно Путин руководил избирательным штабом Анатолия Собчака на губернаторских выборах-96. Оплачивать кампанию губернатора, которому на федеральном и региональном уровне противостояли силовики под предводительством Александра Коржакова, местные бизнесмены отказались. Не было денег, не было и результата. Над городом летали военные вертолеты и разбрасывали листовки, в которых говорилось, что Собчак «проходит по двум уголовным делам». Путин ничего не мог с этим поделать. Может быть, как раз тогда будущий лидер «Единой России» понял, что административный ресурс – великая сила.

Сразу после выборов Путин подал в отставку. Он стал обычным безработным чиновником и тихо переехал на дачу – в 100 км от города, на берегу озера Комсомольское. В ставшем потом знаменитым дачном кооперативе «Озеро» предавался меланхолии и дрессировал собаку. «Он собирался уйти в частную жизнь, бизнесом заняться или уйти на преподавательскую работу, у него не было амбиций вырваться в Москву», – вспоминает жена Собчака, ныне сенатор Людмила Нарусова, которая в то лето часто встречалась с Путиным.

В Москву Путина тянул его давний знакомый по работе у Собчака Анатолий Чубайс, который, в отличие от своего друга, в 1996 году сделал головокружительную политическую карьеру. Чубайс не только возглавил избирательный штаб Ельцина, двигавшегося на вто-

рой срок с рейтингом 6 %, но и привел его к победе. Не один, конечно. Еще до выборов всей группе «бизнес-поддержки» были определены премии – за активное участие в предвыборной кампании, если она даст результат. Чубайс, вспоминают его знакомые, хотел возглавить «Роснефть» – для последующей приватизации. Но Березовский с другим олигархом Владимиром Гусинским устроили Ельцину истерику – слишком много в одни руки. В итоге Чубайсу предложили возглавить администрацию президента.

«Администрация формировалась по так называемому «паритетному принципу» – каждая бизнес-группа, работавшая на победу Ельцина, делегировала по одному своему представителю на позиции замов», – рассказывает бывший кремлевский сотрудник. Чубайс же решил, что имеет право на дополнительное место. На позиции своих замов он позвал Алексея Кудрина и Владимира Путина. Но, уже пригласив их обоих в Москву, понял, что бонусов не будет – вакансия всего одна. Чубайс назначил Кудрина.

У всех в жизни бывают черные полосы, но не у всех есть друзья, готовые прийти в этот период на помощь. У будущего лидера «Единой России» такие друзья были. Именно Кудрин, уже устроившись в Москве, нашел место в столице и для Путина. Он позвонил первому вице-премьеру Алексею Большакову – чемпиону по перетягиванию питерских кадров в Москву, и тот всего за несколько минут договорился с кремлевским «завхозом» Павлом Бородиным. Так Путин стал заместителем управделами президента. Шел уже второй месяц второго срока Ельцина, а его будущий преемник только появился в Москве – на более чем скромной должности.

Почему же именно в Путине действующий президент рассмотрел президента будущего? Впервые Ельцин обратил на него внимание через полгода, когда тот стал начальником главного контрольного управления президента – освободилось место Кудрина, перебравшегося вслед за Чубайсом в правительство. Путин исправно проверял исполнение указов президента, превратив контрольное управление в полноценное силовое ведомство. Как раз тогда в Кремле начали понимать, что неплохо бы усилить контроль над регионами. Однако «зацепила» Ельцина не столько аппаратная эффективность нового чиновника (выдающейся-то она, пожалуй, не была), сколько его личные качества.

В Санкт-Петербурге оставался побежденный и ослабевший Собчак – один на один с губернатором Яковлевым. Против бывшего начальника Путина в 1997 году прокуратура возбудила уголовное дело. Арест был делом времени. Однако 7 ноября 1997 года Путин, как настоящий разведчик, устроил бывшему патрону побег. Как рассказала Нарусова, он прилетел в Питер, нашел финский санитарный самолет, человека, который оплатил полет, и разработал план побега. Именно это, по словам Нарусовой, вызвало у Ельцина «глубокое человеческое уважение». Умение вести себя как командный игрок – качество, которое ценится в любом аппарате. А вот преданность бывшему начальнику – это то, что было особенно важно для Ельцина, неизбежно превращавшегося в «хромую утку». Путин был похож на человека, который смог бы обеспечить гарантии неприкосновенности экс-президенту.

В пользу этого говорила и деятельность Путина на посту директора ФСБ.

Это назначение было чисто политическим: экс-директор службы Николай Ковалев был союзником Лужкова и Примакова. Дарить такой силовой ресурс политическим противникам, да еще накануне выборов, Ельцин не собирался. В ФСБ Путин должен был стать человеком Кремля. И стал им. Однако главной заслугой нового хозяина Лубянки лично перед Ельциным и его семьей стало снятие генерального прокурора Юрия Скуратова, который при поддержке Примакова взялся разоблачать коррупцию в Управлении делами президента.

Под подозрением в получении взяток от швейцарской компании «Мабетекс» в обмен на получение заказов на реставрацию Большого Кремлевского дворца оказался не только глава управделами Павел Бородин, но и дочери президента РФ. «Путин лично позаботился о том, чтобы меня отстранили от должности, – рассказывал позже Скуратов. – Его службы

систематически блокировали передачу информации, необходимой для продолжения расследования». Но у ФСБ были и другие заботы. Именно агенты Путина «сняли и оплатили квартиру, в которую приехал Скуратов для встречи с девушками» [1]. И именно в руках будущего президента оказалась пленка с компроматом, которая затем транслировалась по телеканалам РТР и ОРТ. Если публичные политические баталии Путину не удавались, то в борьбе на аппаратном фронте он показал себя как раз тем человеком, который нужен «семье».

За выдвижение Путина на позиции преемника голосовали и тогдашний глава администрации Александр Волошин, и его предшественник, член «семьи» Валентин Юмашев, и Борис Березовский. Видеть президентом Путина хотели многие. Но не сам Путин.

Вот как описывает один из разговоров с Березовским на эту тему Александр Гольдфарб, руководитель международного Фонда гражданских свобод и давний приятель олигарха. «Беседа проходила в кабинете Путина – аскетичная обстановка, простая деревянная мебель, на столе бюст Дзержинского. Путин приложил палец к губам и провел Березовского в специальное место, где их никто не слышал. Речь шла о выборе преемника. Но тогда Ельцин еще собирался назначить Степашина.

– Володя, а как насчет тебя? – вдруг спросил Березовский.

– Что насчет меня? – не понял Путин.

– Ты мог бы стать президентом?

– Я? Нет, я не тот человек. Не того ищу в жизни.

– Ну а чего же ты хочешь? Остаться навсегда здесь?

– Я хочу... – замялся Путин. – Я хочу быть Березовским».

Быть богатым? Стать хозяином российской нефти и телевидения? Управлять страной, оставаясь при этом в тени? Чего именно хотел Путин? Планов возглавить политическую партию в списке его желаний точно не было. Но в тот момент, когда Борис Ельцин сделал свой выбор, стало понятно, что без партийной поддержки у Путина не получится ничего. И первым это осознал Березовский.

Мобилизация под капельницей Как возник проект «Единство»

О создании партии Березовский начал беспокоиться еще в тот момент, когда «семья» планировала отставку премьера Примакова, – весной 1999 года. В роли его сменщика, которого затем надо было двигать в «преемники», Березовский хотел видеть тогдашнего главу «Российских железных дорог», ныне покойного Николая Аksenенко. Именно для раскрутки главного железнодорожника в его же четырехэтажном красном особняке на Малой Бронной впервые собралась команда политтехнологов, которая несколько позже будет ковать победу «Единства». Группу возглавляла Юлия Русова, знакомая Березовского еще с 1996 года, когда она возглавляла предвыборный штаб его протеже Александра Лебеда. Ее подопечные проходили с Аksenенко первые тренинги и даже успели придумать ему образ: «железный нарком». Но как сделать наркома премьером? Тогда-то впервые и возникла идея создать губернаторскую партию – мол, наркома хотят массы. Точнее – «Мужики» (таково было рабочее название партии).

Правда, когда это название облетело политтусовку, стало понятно, что оно никуда не годится. Даже спустя пару месяцев сенаторы в голос хохотали над первыми попытками создать губернаторский блок: «О, да это же несостоявшиеся “Мужики” Березовского!» Что уж говорить о журналистах. Любая заминка сопровождалась бы заголовками в стиле: «Мужикам» слабо, «Мужики» не смогли, у «Мужиков» не... Рисковать достоинством «Мужиков» не хотел никто.

Крепких губернаторов в офис к Аksenенко подтаскивали едва ли не силой, вспоминает политтехнолог и очевидец Ирина Заринская. По ее словам, помощники подводили их к приемной – из-за закрытой двери раздавался мат, затем дверь открывалась, губернатор стекал на руки сопровождающих и его выносили. Несмотря на это, присягать «некоронованному» начальнику губернаторы не торопились.

Работу по созданию губернаторской партии в поддержку Аksenенко прервал звонок коммерсанта, члена «семьи» Александра Мамута, который сообщил технологам, что проект останавливается. На несколько дней все замерло, а потом в роли премьера по телевизору выступил не Аksenенко, а Путин. Но своя партия по-прежнему была нужна. Даже если допустить невероятное, что за год, оставшийся до президентских выборов, новый преемник станет популярнее Примакова. Что тогда? Возврат к надоевшему противостоянию Кремль – Дума, в которой музыку заказывали бы деятели из лужковского «Отечества»? Противовес был необходим.

То, что было очевидно Березовскому, еще предстояло «разжевать» остальной околокремлевской политэлите. Но как раз в этот решающий момент – 9 сентября – Березовский угодил в больницу с гепатитом. Было подозрение, что его занесли при переливании крови во время операции на позвоночнике. И именно Центральный военный клинический госпиталь имени Вишневского можно назвать местом рождения блока «Единство» – главной составной части «Единой России». «Из госпиталя я пытался убедить всех в необходимости создания нового политического движения», – рассказывает бывший олигарх. «Было достаточно много скепсиса по этому поводу», – вспоминает Игорь Шабдурасулов, которому довелось сыграть основную роль в избирательной кампании «Единства».

В палате Березовского побывали тогдашний глава администрации президента Александр Волошин, Роман Абрамович, Владислав Сурков, и каждому он твердил про блок, который должен выступить против ОВР. Его название тоже было придумано в больнице – «в горячечном бреде», по выражению самого Березовского. «У меня была температура 39, но в такой момент соображается как раз лучше. Сначала я стал думать о символе этого движе-

ния. Мне представлялись Волга-река, береза... в конечном счете я остановился на медведе». Березовский решил обыграть аббревиатуру, расшифровав название как «МЕжрегиональное ДВижение ЕДинство». Получился МЕДВЕД. А мягкий знак к нему приделали ради благозвучия. Потом, уже в ходе кампании, простое и пафосное «Единство» отодвинуло МЕДВЕДа на задний план.

Бывший телеведущий ОРТ Сергей Доренко рассказывает, как пришел в то время к Березовскому в больницу, захватив ради приличия «дурацкий пакет с мандаринами».

– А он под капельницей, желто-зеленый. Лежит и бредит: «Мы всех вые. ем!» – вспоминает ведущий.

– Боренька, может, капельницу поменять? – съязвил Доренко.

– Ты не понимаешь! Мы все равно всех вые...ем, – настаивал Березовский и тут же взял собеседника в оборот. – «Медведь» – хорошее название? Придумай, какой он: белый? бурый? Как он выглядит? Понятно, что не как на конфетах. В нем должна быть стать и мощь, но не агрессивная. Медведь как хозяин, но не злой. В нем должна быть потенция одной лапой снести все, но отсутствовать интенция к этому, – лихо формулировал Березовский, доктор технических наук и член-корреспондент РАН.

Доренко в ответ блистал своими познаниями в медведеведении. Ведь он только что вернулся из США, из тех мест, где священные медведи – гризли. Их рисуют со злыми глазами.

– Ты что, хочешь уютного пентюха? – высмеивал он Березовского. А ему только того и надо было. Даже на больничной койке олигарх ценил мозговой штурм, когда проблему пинают со всех сторон.

– Ни в коем случае! Это должна быть спокойная сила.

Этаж в госпитале Вишневого, где лежал Березовский, на время превратился в выездной офис будущего движения. В коридоре у палаты партстроителя стояла длинная казенная скамья. На ней, ссутулившись, сидел известный телеведущий Михаил Леонтьев и что-то вдохновенно строчил в блокноте. Не простаивал и генеральский люкс советского покроя, находившийся рядом с палатой Березовского. В нем сидел на телефоне Игорь Шабдурасулов. А на очереди к больному был уже следующий посетитель – политехнолог Станислав Белковский.

– Старик, ты не думай, что цель нашего блока – преодолеть 5 %-ный барьер, – вспоминает он слова Березовского, одним из консультантов которого он в то время являлся. – Наша цель – занять первое место на выборах, в крайнем случае – второе после коммунистов. Но получить не меньше 20 % голосов.

Рядовые исполнители об этой сверхзадаче Березовского ничего не знали. Да если бы и знали, то не поверили бы, что это возможно. «Отгрызть 10–12 %, а дальше блокироваться с другими фракциями, чтобы Примаков окончательно не разогнал бизнес», – описывает свои ощущения один из членов предвыборного штаба.

Через 10 дней Березовский выписался из больницы, и на даче у Волошина собрался «большой совет», на который приехали Путин, Сурков, Абрамович и дочь Ельцина Татьяна Дьяченко. «Я еще раз продекларировал создание движения. Все, кроме Абрамовича, восприняли это как бред. Они не верили, что за короткое время можно создать политическое движение, которое может победить на парламентских выборах в декабре. Слишком мало оставалось времени», – рассказывает Березовский.

Переговоры грозили зайти в тупик, и тогда слово взял Абрамович.

– А что нужно для этого?

– Ничего, – быстро выпалил Березовский. – Ничего, кроме одного. Чтобы Шабдурасулова назначили зам. главы администрации по избирательной кампании.

– Почему? – удивился Волошин.

– Саша, я до тебя не могу дозвониться. Как с тобой решать серьезные вопросы, когда ты постоянно занят?

Увидев, что нужно так мало, Путин, Волошин и Дьяченко, по словам Березовского, обещали подумать: «Они сказали: "Раз ты ничего не просишь, кроме этого, попробуем решить"». Прошло почти три недели, прежде чем Шабдурасулова официально назначили первым заместителем главы администрации президента. Неофициально он уже давно помогал Березовскому в качестве гендиректора ОРТ. Как и многие в Кремле, он признавал очевидное. «Мне казалось, что многое уже упустили в связи со значительным ростом активности блока Лужкова – Примакова. Я не хотел этим заниматься и активно отказывался», – рассказывает Шабдурасулов. Решающим стал звонок лично от Ельцина. «Я ничего не стал обсуждать, сказал: хорошо, если вы считаете это необходимым, то я готов», – вспоминает Шабдурасулов.

Герои и геи Первый призыв «медведей»

Куда стране еще один центристский блок – вдобавок к ОВР? Оказалось, ниша есть. Еще в конце 1998 года глава консалтинговой группы «Имидж-контакт» Алексей Ситников выяснил, что «многие региональные группировки не смогли реализовать свои интересы через какую-либо существующую политическую силу». После этого Ситников решил провести еще одно, более масштабное социологическое исследование, изучить едва ли не каждый избирательный округ. Было опрошено 350 000 респондентов из 204 округов. Опрос показал, что электорату не хватало людей военной выправки, которые мало говорят, а больше делают. Ответ на вопрос, как «продавать» новое движение избирателю, был получен.

Армия Березовского бросилась на поиск «героев». «У меня была идея: крепкий хозяйственник, солдат и Родина-мать», – вспоминает Шабдурасулов свои соображения по поводу тройки лидеров «Единства». О простой русской женщине думал и Березовский. «Мне нужна баба!» – бредил он на больничной койке. Но ни одна из предложенных кандидатур не устроила его взыскательный вкус. В итоге решили обойтись чисто мужской компанией. Интуитивно все понимали, что лидеры должны быть новыми. Например, кинорежиссер Никита Михалков, четыре года назад поднимавший популярность «партии власти» Виктора Черномырдина, очень хотел послужить Кремлю и в этот раз, но он категорически не годился. «Если мы строим новое, оно должно выглядеть как новое», – рассуждал Александр Любимов, отвечавший в штабе за рекламу движения на телевидении.

Однажды политтехнолог Юлия Русова спросила у своего штабного идеолога Якова Розина:

– А кто у нас из правительства популярен в народе?

– Шойгу.

– А еще?

– Еще раз Шойгу, – настаивал Розин.

– Да, несчастная страна, где единственный популярный министр – по чрезвычайным ситуациям, – вздохнула Русова и поспешила сообщить Березовскому результаты своих изысканий.

Березовский этот разговор не забыл. Сначала он хотел видеть первым номером в списке тогдашнего красноярского губернатора Александра Лебеда, но тот отказался, вспоминает Белковский. Тогда Березовский взялся за Шойгу, которого в тот момент вербовала на лидерство экологическая партия «Кедр». Министр представал защитником и борцом. Где происходит беда – там всегда появлялся сосредоточенный, крепкий и решительный Шойгу. Кто может быть надежнее спасателя?

Вторым в списке решили сделать трехкратного олимпийского чемпиона, борца, 32-летнего Александра Карелина. Он как раз хотел заняться общественной деятельностью и в родном Новосибирске выдвинулся депутатом в Госдуму по одномандатному округу. Место так и не найденной женщины занял еще один борец – только уже с организованной преступностью и коррупцией, Александр Гуров. Еще в советские годы он возглавлял в МВД отдел по борьбе с организованной преступностью, коррупцией и наркобизнесом. А в момент своего «призыва» Гуров руководил Всероссийским научно-исследовательским институтом МВД.

Получился идеальный союз борцов: борца со стихией, борца на арене и борца с преступностью. По задумке Шабдурасулова, только эта тройка и должна была составлять весь центральный список избирательного блока, хотя у остальных партий после тройки «застрельщиков» шли еще от 12 до 20 человек. Так получилось в основном из-за нехватки

времени. «Даже процессуально оформить всю эту историю мы еле успевали», – признает Шабдурасулов.

Вообще, кроме Никиты Михалкова, мало кто хотел стать «лицом» «Единства». Партию как будто навязывали лидерам с тем, чтобы потом навязать ее народу. Всю первую тройку пришлось уговаривать. «У каждого были свои причины и основания, дискуссии были очень жаркими. Были и бессонные ночи, – рассказывает Шабдурасулов. – Особенно сложно было уговорить Шойгу. Он ставил на карту многое – и пост, и карьеру».

Сергея Шойгу уламывали две недели. Только Березовский провел у него на даче в Архангельском часов пять. Карелин согласился тоже не сразу – он уже и так шел в Думу по одномандатному округу и имел все шансы попасть туда самостоятельно. Зачем ему было тянуть на себе новое движение с непонятной перспективой?

– Что вы на меня-то глаз положили? Я давно из политики ушел, да и особо не успел здесь примелькаться, – надеялся Гуров избежать избирательной разнарядки.

– Нам нужны люди, которые не запятнаны, это первое, – объяснял Шабдурасулов. – Второе: люди, что-то сделавшие для государства. Шойгу разработал теорию спасательной службы и создал МЧС. Карелин – непобедимый борец. У тебя есть теория борьбы с оргпреступностью. Наступает период, когда надо не болтать, а дело делать.

Пока Гуров думал о своей судьбе, в кабинет неожиданно зашел его давний знакомый – бывший замминистра МВД Андрей Черненко. Он положил руку на плечо Гурову и сказал:

– Слушай, надо побороться. Смотри, кто идет в Думу, одни бандиты.

Гуров сдался. От борьбы с бандитами он никогда не отказывался.

Еще сложнее было разговаривать с губернаторами, многие из которых уже успели присягнуть на верность Юрию Лужкову. Березовский внушал Шабдурасулову: звони всем губернаторам и проси «самого пло-о-о-охонького» ответственного за «Единство» и помещения, но непременно в здании администрации, – вспоминает Сергей Доренко. Разговор с оппозиционными регионалами должен был строиться примерно так.

У губернатора звонит кремлевская вертушка. На связи Шабдурасулов.

– Нам нужен парень на «Единство».

– А что это такое?

– Это то, что Владимир Владимирович с Березовским мутят.

– Ну, старик, ты же знаешь, я в другом лагере. Зачем мне эти проблемы? Будет ревность, нажалуются Примакову, он мне по голове настучит... – начинал возражать независимый губернатор Х.

Вот тут-то и должен был сработать ход Березовского про «плохонького».

– Ну, ты дай нам какую-нибудь каморку, где сейчас уборщица швабру хранит. Где-нибудь между трансформаторным щитком и туалетом. И посади туда никчемного человечка. А перед своими отчитаешься: мол, мне Кремль руки выкрутил, но я им дал полное говно.

– Нам главное воткнуть свой флаг на холме, – пересказывает Доренко стратегию Березовского. – С точки зрения феодального сознания это не может не сработать. Один флаг будет у ОВР: они сильные, но имитируют Кремль. Другой – у «Единства», оно – настоящее. И даже если имитаторы сильные, а настоящие – слабые, выберут настоящих. Главное, чтобы холм был один. И Березовский оказался прав.

В кремлевском кабинете у Шабдурасулова была полка, на которой выстраивались бутылки с разнообразной водкой – каждый регион России обязательно делает свою сувенирную продукцию. Водку губернаторы привозили с собой на переговоры, в знак того, что будут вести себя нейтрально. «Эти бутылки у нас были символом захвата территории», – рассказывает Любимов.

Даже нейтральных Кремлю губернаторов в тот период в стране было немного. Однако губернатор – животное политическое, а потому – стадное. Для политтехнологов это был не секрет. Вот только где набрать критическую массу губернаторских голов, за которыми потянутся остальные?

Когда-то в середине 1990-х у сигарет L&M появился более дешевый «двойник» F&M – тот же шрифт, похожая пачка. В чем там разница – не разберешь. Примерно так же было и с губернаторской массой для «Единства». Сначала появилось коллективное заявление 39 губернаторов, осуждавших «политическую истерию» и призывавших к единению и честным выборам. «Демагогия примелькавшихся предвыборных блоков и движений снова заполнила страницы газет и журналов, а лица их лидеров – экраны телевизоров. Мы отказываемся участвовать в этих, мягко говоря, сомнительных играх, но и не намерены более наблюдать за унижением достоинства страны и людей», – негодовали подписанты. О создании нового губернаторского блока в тексте не было ни слова, а честных и чистых выборов хотели многие. На словах обращение поддержал даже лидер ОВР Евгений Примаков. Изложенные идеи оказались близки также и члену блока ОВР омскому губернатору Леониду Полежаеву. Подписались под ним и астраханский губернатор-ОВРовец Анатолий Гужвин, и № 3 в списке НДР, саратовский губернатор Дмитрий Аяцков на пару с новгородским соратником по партии Михаилом Прусаком, ставропольский коммунист Александр Черногоров и 4-й в списке КППРФ Аман Тулеев. Первый шаг был сделан.

Параллельно чукотский заводила «Единства» губернатор Александр Назаров заявляет о том, что группа губернаторов работает над созданием своего избирательного блока. Политически заинтересованной аудитории предлагается самостоятельно «соединить точки»: рождается миф о том, что подписанты «Обращения-39» и есть основа нового блока. То есть губернаторов в нем уже 39. И не беда, что, например, свердловский губернатор Эдуард Россель твердил журналистам, что никуда входить не собирается. Дело времени! «Когда мы обзвонили их по первому кругу, их и вовсе было 5. Приходилось блефовать, говорить, что «вас уже несколько десятков»», – вспоминает один из членов штаба «Единства».

Обращение сработало как пророчество. С помощью административного ресурса правительства и администрации президента, конечно. Неделью спустя уже 32 губернатора подписывают обращение, в котором обязуются помочь лидеру нового блока «собрать силу, способную победить на декабрьских выборах», что, впрочем, не означало их выхода из других предвыборных списков.

Губернаторское обращение стало фактическим стартом избирательной кампании «Единства». Однако оставалось еще множество формальностей, без которых оно не могло быть допущено собственно к выборам. По закону, учредителями предвыборного блока должны были выступить как минимум пять общественных организаций. Этим вопросом технологи занялись за две недели до окончания регистрации. Все приличное к тому моменту, понятно, уже было разобрано. В поисках пригодных для дела остатков технологи подробно изучили данные регистрационной палаты.

А что такое «Поколение свободы»? – интересовалась Русова.

– Клевые ребята, оставляй! – отвечали штабисты, путая движение секс-меньшинств с движением МЖК, реализовавшего в СССР идею доступного жилья для молодежи.

Первый же «слет» «Единства» показал безвыходность «медвежьего» положения.

В зал вошли качки Александра Карелина, за ними появились афганцы Франца Клинецевича – кто-то хромал, кто-то ехал на инвалидной коляске. Далее показались мусульмане из движения «Рефах» в сверкающих бархатных тюбетейках, тут же следом строевым шагом промаршировали сумрачные полковники МЧС – группа поддержки Сергея Шойгу. И вот, наконец, первый нормальный образ. В распахнувшуюся дверь вошла дама со светлыми локонами, в кружевном жабо. Мужчины бросились придержать дверь, дама повернулась, оче-

видно, чтобы поблагодарить, и оказалось, что у обладательницы прекрасных локонов на лице растет борода. Вслед за хозяином бороды появилась и его свита из «Поколения свободы», – вспоминает Ирина Заринская.

Пиарщики смотрели на эту вакханалию, схватившись за головы. Что будет, если все это покажут по телевизору?!

Съезд срочно решили сделать закрытым для прессы. «Конспирация, кругом враги и конкуренты», – объясняли недоумевающим журналистам будущие «единороссы». Впереди их ожидала отчаянная выборная кампания, чудовищная по темпам и рискам.

СЛИЯНИЕ И ПОГЛОЩЕНИЕ

«Я отрежу Примакову ногу!» Начало политической жизни «Единой России»

Первая выборная кампания была для «медведей» уникальной. Пожалуй, единственный раз за всю свою историю партия буквально «дралась» за власть, а победу одержала благодаря не столько административному ресурсу, сколько настоящей конкуренции. «Тогда штаб был абсолютно свободен от чиновников, – вспоминает один из его сотрудников. – Это был мобилизационный проект: любой мог привести любого, все работали на результат, без лишних отчетов и согласований». Незабюрократизированность выгодно отличала «Единство» от штаба «Отечества». Его руководитель, в прошлом пресс-секретарь Ельцина Сергей Ястржембский развернул там настоящее министерство по выборам. Для создания простого регионального плаката требовалось столько согласований, что проще было его не печатать. Этот метод политической борьбы «медведи» возьмут на вооружение позже. Метод, кстати, не дешевый. «ОВР выделили на кампанию \$1 млрд, из которого 800 млн растащили по карманам», – уверен Доренко. Для сравнения, кампанию «Единства» Александр Любимов, отвечавший за предвыборную рекламу, оценивает в \$20 млн.

При этом по ходу кампании «медведи» совершенно не бедствовали. Роман Абрамович – «смотрящий» Березовского в «Сибнефти», – никогда не жадничал, вспоминают штабисты. Но когда его начинали засыпать подробностями, взгляд его уходил в астрал, и он уже почти умолял собеседника:

– Ну не грузи меня!.. – И вдруг как-то резко приходил в себя:

– Сколько?

Вердикт был почти всегда одинаков:

– Неси!

И вот в обычных полиэтиленовых мешках, иногда в нескольких, засунутых друг в дружку, потому что они были дырявые, деньги покидали пределы компании «Сибнефть» и ехали в офисы «Единства», чтобы послужить победному шествию «медведей» по стране.

У них, конечно, тоже случались финансовые казусы, хотя и не так часто, как у «Отечества». Например, многие технологи до сих пор гадают, на что был потрачен огромный бюджет «Единства», выделенный на наружную рекламу. Ближе к выборам на заборах действительно стали появляться медведи, но нарисованные краской – а-ля сеятель Остапа Бендера, и написано на них было почему-то «Ура!». Самый заметный «выхлоп» той наружки – рельефный медведь – до сих красуется на одной из столичных высоток на Варшавском шоссе.

У «Единства» в 1999 году было несколько предвыборных структур – каждая под свою задачу, и еще миллион «кружков по интересам». Одни и те же задумки могли обсуждаться на разных площадках, идеи бурлили, докручивались, перепроверялись. Это шло на пользу дела, позволяло не слишком зависеть от конкретного исполнителя и оставляло возможность влиять на результат. Общение рядовых сотрудников из разных штабов не поощрялось. Любое проявление интереса: «А как у них?» сопровождалось строгим окриком начальства: «А вам зачем?» Сведения стекались к командиру «медвежьего генштаба» Игорю Шабдурасулову, сидевшему на Старой площади. Именно через него Березовский контролировал ход выборов. Звонки олигарха заставляли первого зама главы президентской администрации нервни-

чать: «Да, Борис Абрамович... Конечно, Борис Абрамович... Хорошо... Выясним... Посмотрим... До свидания, Борис Абрамович...» – вспоминает очевидец.

Сам Березовский на старте возглавлял «кружок» с пафосным названием «Высший идеологический совет». Большинство совещаний он проводил сам, вспоминает Яков Розин, изредка – Шабдурасулов. Теоретически совет должен был подготовить программу «Единства», которая в итоге так и не появилась на свет. Зато здесь у Березовского была постоянная площадка для обкатки своих идей. В дела штабов, в отличие от нынешних модераторов «единороссовских» кампаний, он не лез: свободные люди лучше работают.

Штабов, по сути, было два. Первый – доставшийся в наследство от времен раскрутки Аксененко – сидел все там же, на Малой Бронной. Здесь работали технологи и креативщики: жена главы избирательного штаба Алексея Головкова Юлия Русова, отвечавшая за региональную сеть, Владимир Руга – фактический пресс-секретарь Березовского, курировавший отношения с печатными СМИ. Этот штаб считался «теневым». Официальный же располагался в бывшей приемной «всесоюзного старосты» Михаила Калинина на Воздвиженке, 2. Здесь сидели юристы, готовились документы для подачи в ЦИК, формировали черновые списки «Единства». Если на Патриарших находились «мозги», то на Воздвиженке – «руки». Например, креативщики разрабатывали агитационные материалы, а потом через начальство озадачивали своих коллег из приемной Калинина: «вот вам тонна листовок, через неделю она должна быть в Липецкой области».

Между «теневым» штабом и Кремлем курсировал глава Фонда эффективной политики Глеб Павловский: перехватив очередную бумажку штабных идеологов, он тащил ее Татьяне Дьяченко и экс-главе ельцинской администрации Валентину Юмашеву. В контексте начавшейся уже президентской кампании ответственный за нее глава администрации Александр Волошин также внимательно следил за думской историей. Но у Шабдурасулова запарка была такая, что времени на формальные доклады своему шефу у него не оставалось. «Пару раз Волошин даже звонил и, почти обижаясь, спрашивал: что не рассказываешь, как дела?» – вспоминает его первый зам. После выборов технологи «сдавали дела» Владиславу Суркову, отвечавшему в администрации за работу Совета Федерации и Госдумы. Во время же самой предвыборной кампании Сурков работал с одномандатниками, на которых тогда приходилась половина Думы – 225 человек. От «Единства» прошло всего 9.

Были в распоряжении «Единства» и приятные инфраструктурные возможности, которые давали хозяйства Сергея Шойгу и Николая Аксененко. Благодаря спасателям и железнодорожникам проблем с самолетами и вагонами, а значит, с мобильностью кандидатов, доставкой и распространением агитационных материалов у «Единства» не возникало. А первый замглавы предвыборного штаба Сергей Попов добавил «медведям» лоску, отдав им свои «Народные дома» – сеть приемных, создававшихся еще в середине 1990-х годов для предвыборной поддержки НДР. Нейтральные офисные интерьеры снимали многие проблемы: не со всеми же было удобно разговаривать в полувоенных бытовках МЧС. Именно на базе «домов» позже сформировались нынешние общественные приемные «Единой России».

Регистрационные документы «Единства», как и само движение, собирались буквально на коленке. То, что они вообще были одобрены ЦИКом, можно считать почти чудом. Официальный штаб приступил к работе в начале сентября – на составление списков и сбор документов отводилось полтора месяца. «Весело было с самого начала, – вспоминает сотрудник штаба аналитик Игорь Черный. – Чисто поле, старые щербатые столы, нехватка стульев – я их лично собирал по этажу, дефицит бумаги, ручки свои, телефон один на комнату, раздобытый собственными усилиями в соседних беспризорных пока кабинетах, ближе к октябрю на весь штаб выделили 2–3 машины».

Предвыборная установка гласила: народ устал от примелькавшихся политических лиц, нужны новые и честные. Черный был как раз одним из тех, кто собирал документы для регистрации в ЦИКе – проверял, всего ли хватает, нет ли явных ошибок или откровенно лживых сведений. Работы было невпроворот, учитывая, что людей в список набирали разве что не с улицы. «Мог затрещать факс, и из него на чистом листе вылезало что-то типа «Сидор Задрищенский. Вроде Пермь», или звонил телефон, и оттуда чей-то самоуверенный голос говорил:

– Внесите в список Переплюйкина!

– А кто говорит?

– Я!

Наверное, это был единственный раз, когда «медведи»-депутаты были так похожи на своих избирателей. Но даже тогда выражать в Госдуме мнение народа, судя по разговорам в штабных коридорах, никто не стремился. А вот пафоса в манерах хватало уже на старте. «Считайте, что вы все уже уволены! Как вы разговариваете с будущим депутатом Госдумы?! Вон отсюда!.. Эй, стой... Куда пошел?» – такие вопли слышались на Воздвиженке по несколько раз за день, вспоминает Черный.

Фамилии людей, рекомендованных администрацией президента, приходили в штаб с отдельной пометкой, на бланках и с печатями от губернаторов. Для последних право предложить в список своих кандидатов было своеобразной платой за лояльность. Аналогичный бонус получали и учредители блока, правда, отстаивали «своих» в списке по-разному. Например, Клинецвич бился за «афганцев» почти как на войне. «Ну, что, сколько надо выкинуть?» – интересовался он у штабистов после их очередного визита в Кремль для промежуточного согласования списков – такое случалось в среднем раз в неделю.

– Пятерых, как минимум, Франц Адамович! – слышал он в ответ неутешительное.

– А троих никак нельзя? – это подкупало, и нередко оказывалось «можно».

Не в пример Клинецвичу «Народные дома» Сергея Попова подали всего несколько кандидатур – их-то лидер и «сдал» на этапе сокращения списков: «Их вычеркните, оставьте меня». Попову это не помогло. В конце октября из штабного факса выползла бумага с фамилией главы администрации Каширы Олега Ковалева, которую нужно было в обязательном порядке поставить на третье место по Московской области. Теперь Ковалев – рязанский губернатор. А в 1999-м именно он оттеснил Попова на непроходное 4-е место, и того пришлось спешно трудоустраивать в сенат в знак благодарности за проделанную на выборах работу. В Думу он попал лишь в 2003 г.

Ни нынешний думский спикер Борис Грызлов, ни бывший вице-спикер нижней палаты Любовь Слиска, с самого начала выделявшаяся, по мнению штабистов, «нахрапистой глупостью», не входили в категорию «неприкосновенных», хотя всегда были в первых тройках Питера и Поволжья. Любопытно и то, что в списках пропутинского движения практически не было столь востребованных электоратом военных, если не считать зама Шойгу по МЧС Николая Локтионова. Не давили массой ни ФСБ, ни МВД, ни «питерские» – все они возникли позже, опровергая предположения Березовского, что Путин не сможет сколотить свою команду.

До конца сентября всех предлагавшихся в список «Единства» вносили без разговоров. Сокращать начали, когда он разросся до 1200 человек: 800–500–300... Чем больше вычеркивали, тем больше новых «будущих депутатов» объявлялось по телефону или в виде списков, переданных по факсу. В финальном варианте списка, отправленном в администрацию президента, осталось 235 фамилий – на 10 больше разрешенного ЦИКом максимума. Эта страховка была не лишней с учетом результатов спецпроверки в ФСБ, МВД и налоговой – скандалы на финишной прямой стали бы для «медведей» приговором. Кандидатский задел нужен был и для ЦИКа. Комиссия по-дружески сообщила в штаб, что «за недостоверные све-

дения об имуществе и доходах» она отсеет 8 человек. «Подставленные» штабом кандидаты о своем незавидном статусе не догадывались. Но случилась осечка: из черного списка ЦИК позже отбраковал 6 плюс одного «внепланового». И неожиданно для штаба кандидат-парашютист Владимир Вшивцев, чей затяжной прыжок входит в книгу рекордов Гиннесса, не только остался в списках, но и попал в Госдуму со своего не казавшегося проходным места.

Шабдурасулов гордится главным – в Думу от «Единства» не прошли люди с уголовным прошлым. Но это не совсем так. Хотя действительно проводили огромную работу по отсеву, некоторых нельзя было просто так выкинуть. Спецслужбы проверяли кандидатов в кандидаты буквально в режиме онлайн, по мере включения их в черновой список, вспоминает Шабдурасулов. Бывали ситуации, когда из ФСБ приходили одни данные, а из МВД – другие. Приходилось общаться с представителями этих структур и пытаться понять, что происходит. Понять, впрочем, удавалось не всегда.

Из последнего варианта списка спецпроверка забраковала 51 кандидата. Момент передачи финального списка в штаб Шабдурасулов не помнит. Приехавший же за ним на Старицкую площадь Игорь Черный описывает эту процедуру так. Вместо того чтобы просто передать ему папку, Шабдурасулов устроил театр мимики и жеста с минимумом слов. Вслух фамилии кандидатов называл Черный, а первый зам. главы президентской администрации после сверки с листками, пришедшими с проверки, просто кивал головой или делал неопределенный жест – это значило, что кандидата «можно оставить»; кивал посильнее – «оставить однозначно»; мог указательным пальцем нарисовать в воздухе крест – «вычеркнуть к чертовой матери», но тот же палец мог показать, что человека надо просто опустить пониже. Иногда чиновничья голова молча спрашивала у штабиста совета: мол, а ты что думаешь по поводу этой кандидатуры? Шабдурасулов предохранялся: если бы запись разговора, где он рассказывает, кого оставить кандидатом, а кого выкинуть, попала на то же НТВ – разразился бы огромный скандал. «Единство» не позиционировало себя как партия, создающаяся в Кремле, и такая слава ему была не нужна.

Лишь один раз Шабдурасулов перешел с пантомимы на устную речь – громкую и по большей части непечатную, вспоминает Черный. Дело дошло до калининградского списка: из шести кандидатов пятеро были от губернатора Горбенко, причем на четверых из них, по данным спецпроверки, были кровь или «особо тяжкие». Да и к пятому имелись вопросы по налоговой части. Под следствием они не находились, но оперативные данные однозначно свидетельствовали об их активном участии в околорыбной мафии.

– Да что они, совсем, что ли, о***ли?! Вашу мать, «доверенные люди»!!! – взорвался Шабдурасулов. Но снять всех губернаторских? Невозможно!

Единственным приличным человеком в калининградском списке была Ольга Арбатская от Союза поддержки и содействия малому и среднему бизнесу, любимица всего штаба: умная, тактичная и довольно успешный предприниматель.

– Хм, на нее ничего нет, – сказал по-человечески Шабдурасулов, сверившись со своей шпаргалкой.

– Так и мы говорим: хорошее о ней мнение, – поддержал Черный.

– Хорошо, пойдет второй, – платить за губернаторскую лояльность приходилось даже в безвыходных ситуациях.

Троих «горбенковских» решили выкинуть сразу, одного уже после утверждения списка ЦИКом, так, чтобы в итоге список на выборах возглавил единственный губернаторский «без особо тяжких» Виталий Ледник. Первое место, как выяснилось позже, оказалось единственным проходным, и Арбатская в Госдуму не попала.

С женской организацией содействия малому бизнесу, от которой шла Арбатская, «медведи» поступили откровенно по-свински. В папках спецпроверки про главу Союза Елену Наумову говорилось, что лет «дцать» назад к ней были вопросы по моральному облику.

Впрочем, ни одним реальным свидетельством это мнение подкреплено не было, и дискредитации никто не боялся. Шабдурасулов начертал в воздухе: «Можно оставить». Но данная «сверху» возможность вычеркнуть лишнюю «голову» с проходного места показалась штабистам уж очень привлекательной. Большинство голосов Наумову сняли с дистанции.

Между тем Наумовой «Единство» обязано не только своим появлением – без любого из 5 учредителей движение бы не зарегистрировали. В штабе трудились ее сотрудники. И наконец, медведь, который теперь красуется на всех флагах «Единой России», – он тоже был наумовский. У креативщиков на Малой Бронной водились и свои «медведи», но в официальный штаб к моменту сдачи документов в ЦИК их почему-то не довели. Спихнулись за час до отправки курьера: эмблемы нет. А для регистрации она необходима. Собрали всех, кто был под рукой, и озадачили: найдите медведя, чтобы без проблем с авторскими правами и внешне симпатичного.

– Ну, завтра... – выдохнуло эхо.

– Через полчаса!!! – взбодрило начальство.

– А что, если нашего? – предложила Наумова и достала из сумочки какой-то проспект с гербом своего Союза, на котором красовался медведь в профиль. Там же, в актовом зале, медведя вырезали ножницами и приклеили на бумажный лист канцелярским клеем. Сложили в файл с другими документами и повезли в ЦИК. Уже после регистрации штабной компьютерщик немного «подредактировал» морду зверя, так, чтобы за него было не стыдно.

– А-а, спасибо, старик, – только и услышал он в качестве благодарности.

На чем выезжать движению без идеологии, без стратегии и без организаторов в регионах?

– У нас было три крепких мужика, отобранных Березовским, и заветное, что «они – люди дела», – вспоминает политтехнолог Ирина Заринская. И как заставить избирателя проголосовать за это?

– Больше за всю историю российской политики по стране летал разве что Борис Ельцин в 1996 году, – вспоминает один из модераторов кампании.

Страну поделили на троих и расписали график поездок. В случае с Шойгу за основу взяли его рабочий график и просто дополнили мероприятиями. Для Гурова технологи сначала запланировали поездки на Дальний Восток, но тут выяснилось, что генерал-майор милиции боится летать на самолете. Все срочно переверстали в пределах Золотого кольца. Катался он в специальном парадном мундире, который директору НИИ ради имиджа борца с коррупцией пришлось достать из шкафа и стряхнуть с него пыль. «Все время в форме генерала ездил с погонами. Форму затер по поездкам до дыр», – жаловался Гуров.

В то время участникам первой «тройки» еще позволялись экспромты, и Гуров вовсе критиковал сложившуюся действительность. «Ко мне приходили на встречи и коммунисты, и сторонники других партий. В Иваново даже пришли баркашовцы, говорят: слушай, ты правильно выступаешь».

Критикуя коррупцию действующей власти, Гуров в конце концов увлекся. «Я рассказывал, как импортные квоты по табаку, мясу и водке порождали крупное взяточничество. Несколько интервью дал про это – ничего не вышло. Потом спросил, почему. Сказали, мол, превысил планку», – вспоминает депутат.

Другое дело – борец Карелин.

– Какая у «Единства» идеология? – спрашивали чемпиона журналисты.

– Поддерживать президента! – честно отвечал № 2 в «медвежьем» списке.

Поскольку самим кандидатам сказать было особо нечего, «медведи» предлагали «говорить» избирателям. Придумали собирать народные «наказы». Где-то ходили от двери к двери и с серьезными лицами интересовались: «А вы бы чего хотели от избранников-депутатов?».

где-то в газетах на правах рекламы размещали купоны, которые можно было заполнить и выслать в штаб партии, вспоминает участвовавшая в кампании Наталья Беленко, член совета директоров группы «Имидж контакт». Задачи прочесть «наказанное» не было, а вот завлечь людей, да еще дать им высказаться – совсем другое дело. Конечно, избирателей подкупало, что их мнение кому-то интересно. Получалась почти настоящая демократия.

Кандидаты же старались нести людям праздник. Не в смысле открытия партийными силами детского садика раз в 4 года. Праздник в самом прямом смысле слова. «Опять в Перми выставка восковых фигур. И опять не от мадам Тюссо... Сегодня Зыкина в «Молоте» и Боря Моисеев в КДЦ. Какой диапазон!.. В Пермь приехал Карелин. Поагитировать за «Единство». Повод – пятилетие борцовского клуба», – писал в своем дневнике пермский блогер. А как еще завлекать уставших от политики людей? Опробованные на ельцинской кампании 1996 года американские митинги-концерты неплохо сработали и на этот раз. Изобретали и свои праздники. «В Новосибирске, откуда Карелин родом, нужно было обыграть медвежий образ», – вспоминает Беленко. Придумали День медведя. Всем объявили, что это очень старый, но хорошо забытый сибирский праздник и грех по этому случаю не погулять.

И все же праздники и предвыборные мероприятия были хорошо спланированы. Одним из главных документов в штабе был сетевой график. Это бумажная простыня метров 5 длиной, на которой было расписано, кто из кандидатов в какой момент времени где находится и какие события запланированы на это время. Полная информационная картина была как на ладони. Вот 20 сентября Сергею Шойгу вручают звезду Героя России (с 21 по 23 Москва полнится слухами о том, что губернаторы что-то подписывают и что-то создают), 24 он принимает предложение возглавить новый «губернаторский блок», а 26 – объявляют о создании самого этого блока во главе с Героем. 3 октября – учредительный съезд с Шойгу в президиуме. И все это – информационные поводы. О «медведе» пишут каждый день.

График был важен еще и потому, что помогал избежать пересечений предвыборных маршрутов тройки «Единства» и Владимира Путина, де-факто уже включившегося в президентскую кампанию. Если Шойгу едет в Вологодскую область завтра, зачем туда ехать Путину послезавтра? Действия и заявления кандидатов регулярно 1–2 раза в неделю согласовывались в президентском штабе, вспоминает Игорь Шабдурасулов.

Посреди кампании рейтинг замер. У Путина к тому моменту было около 20 %, и «медвежьи» технологи начали вступать в спор с премьерскими: стоит ли Путину поддерживать «Единство»? Решили – стоит. 24 ноября премьер сообщил, что ему, как простому человеку, «медведи» очень даже симпатичны: на следующий день рейтинг движения взлетел с 8 до 15 %.

К тому моменту журналисты уже не вспоминали в каждой заметке про «Единство» о Березовском – было много других поводов. И вот в декабре в штаб «медведей» приехал их первый только что отпечатанный предвыборный плакат. Вроде бы все неплохо. Первая тройка списка в лучшем виде, серьезные и надежные Шойгу – Карелин – Гуров на фоне русской природы... Но прямо по центру плаката – БЕРЕЗА! «Знаем мы эту манеру творческой интеллигенции показать хозяину кукиш в кармане», – вспоминает бывший партийный идеолог Розин. Технологи от души посмеялись и пустили весь тираж под нож.

Примерно с таким же успехом «Единство» могло рассчитывать на губернаторскую преданность. Даже те, кто уже согласился сотрудничать, вели себя двусмысленно. Однажды на разговор с «медведями» в Москву приехал калмыцкий президент Кирсан Илюмжинов. По одному из одномандатных округов республики решила выдвигаться жена главного ОВРовца Лужкова Елена Батурина, годом ранее отстроившая здесь город шахмат. Поняв, что отговаривать Батурина бесполезно, Илюмжинов предложил «медведям» следующее: «Я собираю голоса за “Единство”, а вы не мешаете Батуриной». Соперницей Батуриной от «Единства»

выступала известная телеведущая Александра Буратаева. «Медведей» это и устроило бы, но после того разговора от Кирсана не было ни слуху, ни духу. В штабе «Единства» резонно расценили, что «не мешать» Батуриной и «помогать» ей – две большие разницы.

Технологи опасались, что Илюмжинов прикажет по-тихому «вбросить» бюллетени за супругу главного ОВРовца. Чтобы у хозяина Калмыкии ничего подобного и в мыслях не возникло, штаб «Единства» решил правильно подобрать наблюдателей, которым предстояло следить за порядком на избирательных участках. «Мы собрали курсантов из московской академии МВД – тех, что в звании не ниже майоров-полковников, – и стали рассказывать, кто такая Буратаева», – вспоминает Розин. Затем на сцену вышел штабист из отставных военных и начал объяснять личному составу, какое у них будет довольствие и как они будут питаться во время «похода на Калмыкию». В день голосования вся эта армия демонстративно, печатая шаг, разошлась по избирательным участкам. С такими наблюдателями шутки плохи. «Вбросов» удалось избежать, а Батурина в Калмыкии проиграла.

Кстати, массовое использование «военного электората» впервые случилось именно в декабре 1999 года. Тогда на выборы пришло 90–95 % военных – это около 6 млн человек, или больше 10 % от всех проголосовавших граждан, писала «Независимая газета». Причем, по данным Минобороны с «закрытых» гарнизонных участков, большинство военных голосовали за «Единство» (40–68 %), на втором месте шла ЛДПР (13–23 %), а ОВР плелась в хвосте (3–7 %).

Эти результаты вдохновили как Кремль, так и Генштаб, и 4 года спустя военные с легким сердцем повторили этот трюк, уже с некоторыми административными доработками. На этот раз результат был уже предсказуем: на участки пришло 92 % личного состава армии и флота, а также служащих ВС РФ, в отличие от необязательных гражданских – из них на участках побывал лишь каждый второй. Если в 1999 году за «Единство» проголосовало 48 % военного электората и 23 % общегражданского, то в 2003-м показатели несколько улучшились: 52 и 37 % соответственно. По данным «НГ», накануне выборов-2003 начальник Генштаба направил в войска директиву, предписывавшую категорически отменить все увольнения для срочников. На закрытых избирательных участках явку и голосование в строго определенное время должны были обеспечить офицеры. А еще 4 года спустя офицеры сгоняли своих подопечных уже и на открытые избирательные участки, куда могут прийти простые гражданские. В помощь им были откомандированы современные политруки: проходимцы в штатском, командовавшие военными у входа на избирательные участки.

Картина, которую можно было увидеть ранним декабрьским утром 2007 года на участке около библиотеки им. Ленина в Москве, напоминала скорее всеобщую мобилизацию, чем парламентские выборы. Еще бы, ведь Генштаб здесь находится как раз по соседству. Стройные ряды серых шинелей, буквально заполнившие собой тихий двор и ближайшие переулки, были призваны исполнить свой гражданский долг. В 1999 году все выглядело совсем не так безнадежно. Но нынешний режим – это во многом выбор именно военных.

18 октября 1999 года. Телеведущий Сергей Доренко отмечал свой 40-й день рождения. Юбиляр в отличном настроении. Его поздравляют друзья. Телеграмму прислал премьер-министр. Он полон творческих планов.

– Света, – приобнимает он свою коллегу-ведущую Светлану Сорокину. – Обязательно посмотри мою следующую передачу: я отрежу Примакову ногу!

«Ельцин болен, Ельцин пьет, он не контролирует ситуацию, Акелла промахнулся!» – в 1999 г. никто так не «любил» больного президента, как лужковско-примаковские пропагандисты. Но ведь и Примаков был не очень-то молод и не слишком здоров. Через шесть дней в эфире появился сюжет про операцию Евгения Примакова на тазобедренном суставе, которую он сделал в швейцарской клинике Inselspital. Сначала подробности про клинику: вни-

мание к клиентам, визовая поддержка, отдельные палаты с охраной – «\$45 тыс. за одну операцию и сопутствующие услуги здесь не считают чем-то необычным». Затем – медицинская сторона проблемы: сустав с возрастом слабеет, разрушается, человек не может ходить. Зачем нам все это, да еще в выходные? Так ведь Примаков – самый известный политик в России. Президент Ельцин приучил нас к открытости, «потому что мы не можем не знать о здоровье человека, который нами руководит. А Евгений Максимович намерен нами руководить», так что аналогия уместна. И потом Борис Николаевич «приучил нас к недовольству тем, что наш президент то болеет, то работает над документами с крепким рукопожатием». А за первой операцией месяцев через 6–7 Примакову, вероятно, потребуется вторая – на другом суставе. После такого человек заново учится ходить: шутка ли – вживляют титановый протез. Внимание на экран – там как раз делают аналогичную операцию: вытаскивают старый сустав, он рыхлый, желтый, его можно раздробить – вот так, потом вживляют новый: здесь посверлить, здесь шурупчиками прикрутить, готово! Кстати, в России эту операцию тоже делают хорошо, максимум за 20 тыс. рублей. Так что нечего по Швейцариям разъезжать! Когда же Примакову лучше сделать вторую операцию? Удобно в марте, но вдруг администрация коварно назначит на это время президентское послание? Ну а если не в марте, то уж терпеть до выборов, да-да, преодолевая боль – как Ельцин в 1996-м. Зато, став президентом, Примаков «сможет уже самым непринужденным образом лечиться в течение ближайших 4 лет», – обещает ведущий тем, кто собирается выбрать себе здорового президента.

– Было ощущение, что кровь брызгала прямо в объектив, – морщится работавший тогда на ОВР политолог Вячеслав Никонов.

– Да что вы! Передачи были совсем не злобные, – возражает Доренко.

Несмотря на то, что свои программы Доренко готовил раз в неделю, они были проработаны так, что спустя 11 лет, когда Кремль опять объявил войну Лужкову, целые куски из его эфиров вновь пригодились коллегам с НТВ.

Доренко был на острие информационной атаки. «Именно через его 10 предвыборных передач были реализованы самые сильные пиар-ходы «Единства», – вспоминает Никонов. Это была настоящая звезда эфира Березовского. Но с Доренко было сложно. В начале 1999 г. Примаков лично изгнал его из Останкино. Тогда партнер Березовского Бадри Патаркацишвили выбивал из госбанков кредит в \$100 млн. Примаков согласился, но разделил кредит на пять траншей. Транши зависали до тех пор, пока Доренко совсем не убрали с телевидения – простое отстранение от руководства информационными программами и его уход из эфира премьера не устраивали. Параллельно в гости к ведущему в отставке навевалась налоговая полиция. И хотя полгода проверок и допросов показали, что налоги он даже переплатил – на 800 рублей, «добрые люди» настойчиво рекомендовали ему уехать из страны. Доренко даже уезжал в Нью-Джерси. Но потом вернулся. Как раз к тому моменту, как закрутилось «Единство». Доренко нужен был Березовскому в эфире. Ведущий согласился, хотя ни секунды не верил в победу.

– Ты понимаешь, нас точно прикончат, шансов выжить нет. И когда поведут на Красную площадь, тебя повесят в первой пятерке, а меня – во второй, – предрекал он «светлое будущее» Березовскому.

Олигарха бесило такое пораженчество:

– С таким настроением сиди дома на даче!

Свой ответ висельника Доренко и 11 лет спустя помнит дословно:

– Неееет, брат! – растягивал слова каленый баритон. – Ровно с таким настроением и с пониманием, что меня убьют, я ПОКАЗАКУЮ!

Именно это «показакую» и пугало Кремль. Доренко играл на грани фола и был абсолютно неуправляем – даже Березовский не очень-то мог договориться со своим «цепным псом». На сайте compromat.ru лежит запись его телефонных разговоров с Доренко. Березов-

ский говорит, что Муртазу Рахимову (ОВР) «надо отпустить» – так они решили в Кремле. А ведущий на это отвечает, что не отпустит: это... закрыло его программу, а потому будет добито до конца.

– В Кремле никто не понимал, что со мной происходит: Юмашев, Дьяченко, Шабдура-сулов. Они смотрели на меня как на танцующего дервиша и не знали, что со мной делать, – вспоминает Доренко. – Даже тогдашний глава МВД Владимир Рушайло спрашивал с опаской: «Ты не перебрал? Тебе не страшно?» Я же превосходил их ожидания, а потому имел некоторую автономию.

Бывший префект ЦАО Москвы Александр Музыкантский, по словам Доренко, предлагал Березовскому \$150 млн, чтобы закрыть скандальную программу. «Не тому предлагал!» – смеивается ведущий. На Доренко обижались не только чужие, но и свои. Сергей Шойгу, которого Березовский пять часов уговаривал стать лидером движения, должен был выслушивать с «первой кнопки», что «Единства», равно как и ОВР, не существует, а есть только «борьба двух ватаг». За что?!

На пожелание Дьяченко и Юмшева познакомиться лично, переданное через Березовского, Доренко бросил олигарху:

– Мой интерфейс для общения с ними – ты.

«Семья» настаивать не стала, но сделала вывод, что для продвижения своих идей нужна своя программа. «Своим» стал Павел Шеремет с его субботним аналитическим «Вре-менем», выходявшим с июля по декабрь 1999 г. За взаимодействие с Кремлем, как рассказывают на ОРТ, отвечали Константин Эрнст и Татьяна Кошкарёва (накануне парламентских выборов она возглавляла информационное вещание ОРТ). Именно Шеремету Скуратов вручил судебный иск за то, что корреспондент его программы приписал экс-генпрокурору дом в Орловской области. Два года спустя в интервью питерскому еженедельнику «Дело» Шеремет признавался: «Мне очень стыдно за то, что происходило во время парламентских и президентских выборов... Когда я начинал вести аналитическую программу, то не ожидал, что накат будет настолько серьезным – со стороны акционеров и Кремля. И задания будут формулироваться настолько жестко» [2].

Но кроме великих сражений у предвыборной войны были и свои будни. Отрезанные ноги врага не пополняли «счетов» «Единства». За ежедневное воплощение в эфире образа «спокойной силы» нового движения отвечал Александр Любимов. Это под его началом возник мультяшный ролик про теремок. Жили-были в теремке лиса, волк, летала над ним пчела в кепке, и вдруг пришел медведь и всех прогнал. Однако в реальной жизни к комиксу требовалось пояснение. Медведь не собирался разгонять ВСЕХ. «Нам важно было показать свою лояльность, – вспоминает Любимов. – Люди в регионах должны были понять, что мы не будем сокрушать все на своем пути».

По его задумке, зверствам Доренко было абсолютно необходимо противопоставить нечто объективное. Именно поэтому к нему в эфир приходили не только «медведи», но и Лужков, и Примаков. Уговаривать его на интервью Любимов ездил с Эрнстом. Примаков согласился и охотно жаловался на Доренко в любимовском эфире. «Вместе с такими обидами, – вспоминает Любимов, – и приходило ощущение, что победа возможна».

На выборах 19 декабря «Единство» получает 23,3 %, ОВР – 13,3 %. Становится очевидно, что Примаков не будет председателем Госдумы и не сможет успешно бороться за президентское кресло. Через два дня ОВР в Госдуме теряет две трети группы. Об отделении своей «Всей России» от лужковского «Отечества» позаботился лидер Татарстана Минтимер Шаймиев: в новой Думе «сепаратисты» выступали как отдельная группа «Регионы России». 22 декабря Борис Ельцин встречается с Путиным и объявляет ему о своем намерении уйти досрочно. Победа «Единства» сделала Путина безальтернативным.

Обратить врага в друга Как меньшинство победило большинство

Результаты парламентских выборов шокировали не только ОВРовцев, считавших свою победу неизбежной, но и самих «медведей». Те, кто еще совсем недавно казался непроходимым, теперь гордо, хотя и неуверенно пристраивали в карман удостоверения депутата Госдумы. У «Единства» таких была примерно треть. Старая понятная жизнь для них на этом заканчивалась, а что начиналось, еще предстояло разобраться. В первые дни работы Думы парламентские своды подпирали растерянные, испуганные люди. Кто-то пытался самостоятельно разыскать хозчасть, чтобы раньше других «забить» себе кабинет попросторнее. Кто-то интересовался, где будет находиться международный комитет: согласно опросу, проведенному кремлевскими чиновниками перед началом работы Думы, попасть туда хотело 80 % депутатского состава «Единства». Кто-то из победителей сразу задрал нос. Над Францем Клинецвичем сочувственно смеялись коллеги и спонсоры: его отказался возить собственный водитель, стараниями шефа и волей случая ставший депутатом.

Госдума стала похожа на туалет и баню одновременно – места, где все равны. В безвыходном положении здесь оказывались не только вчерашние водители и охранники, преобразившиеся в «народных избранников», но и олигархи. Оказалось, что «отец» «Единства» Борис Березовский, избравшийся депутатом от Карачаево-Черкессии, в российской подкованной политике ориентировался в разы лучше, чем в запутанных коридорах российского парламента: на первое заседание Госдумы в зал его провожали журналисты.

План Березовского относительно «Единства» сработал: «медведи» заняли второе место после коммунистов. В силу нового движения верили уже не от безысходности, а потому что она стала очевидной даже чиновникам из администрации президента, поначалу не считавшим его перспективным. После выборов ответственным за «Единство» стал уже не приведший его к победе Игорь Шабдурасулов – «человек Березовского», а протеже главы администрации президента, заместитель Александра Волошина Владислав Сурков. Именно Сурков, под навязчивой опекой которого «медведи» пребывают и по сей день, отвечал в Кремле за Госдуму, и именно ему предстояло формировать из «Единства» фракцию. Изучив расклад сил, кремлевский политинженер обнаружил, что в новой Думе «медведь»-победитель может не просто блокироваться и торговаться с другими фракциями, но и диктовать свои правила игры.

Правила, как водится, написали в Кремле. Для начала «Единству» решили обеспечить хорошую группу поддержки: иметь 73 мандата из 450 для настоящей партии власти как-то несолидно (для сравнения, у КПРФ было 113, у ОВР – 68, а у «Регионов России» – 44).

– Что вам нужно в материальном плане в обмен на вступление в «Единство»? – пересказывал свой разговор с Владиславом Сурковым тогдашний НДРовец, а сейчас оппозиционный политик демократического толка Владимир Рыжков [3]. Вопрос хозяина встречи шокировал Рыжкова, и он ответил любезностью на любезность: «Ничего». Меньше чем через полгода Рыжков был исключен из «Единства» за несогласие с позицией фракции, а с Сурковым с тех пор он больше не разговаривал.

Таким образом, с ходу увеличить свою численность «медведям» удалось до 84 человек: троих пригласили из НДР, еще пятеро были независимыми, не имевшими партийного родства. «Независимые», или «самовыдвиженцы», люди, избиравшиеся в Думу не от партий, а своими силами, давно ушли в прошлое благодаря «Единой России». И произошло это в том числе именно потому, что тогда, в 1999 году, они помогли Кремлю сделать первый шаг к получению контроля над Думой, чтобы другие не перекупали. Тех, у кого не было официального партийного хозяина, здесь насчитывалось больше сотни, и заполучить их в свои

ряды хотели многие. Правда, как минимум для половины из них статус «независимого» был простым прикрытием: за одними стояли региональные элиты, за другими – местные предприниматели, за третьими – крупные корпорации. Перетягивание на свою сторону последних удавалось администрации президента особенно успешно.

Еще до официального начала работы Госдумы третьего созыва Кремль завербовал половину «независимых» депутатов и сколотил из них группу «Народный депутат», в которую вошли 54 человека. Присягнув на верность чиновникам администрации, депутаты перестали быть «народными» по факту, но это мало кого смущало. Куда важнее для президентского аппарата было то, что группа изначально позиционировала себя как проправительственная. Вместе с ней кремлевское большинство в Думе составляло уже 138 человек – даже не простое большинство, но уже больше, чем у всех остальных. Появилась возможность говорить с потенциальными союзниками с позиции сильнейшего.

Это пригодилось для следующего этапа подчинения парламента – раздела руководящих постов в комитетах. Посты глав комитетов – основной показатель влияния партии в парламенте. Обычно думские фракции решали этот вопрос сообща. Так могло бы быть и на этот раз. У депутатов была предварительная договоренность: разделить председательские посты в комитетах пропорционально численности фракций и групп. Получалось вполне прилично: у КПРФ и «Единого» – по 8 комитетов, у ОВР и СПС – по 2, у «Яблока» с ЛДПР – по 1. Но Кремль решил выжать из ситуации максимум и переделить портфели в пользу сильнейших. В хорошо срежиссированном сепаратном сговоре приняли участие «Единый» и КПРФ с их группами поддержки – «Народным депутатом» и аграриями, а также верный и проверенный временем партнер администрации – ЛДПР. В результате «пакетного соглашения» послушное большинство в 270 депутатов предложило ОВР и СПС лишь по одному портфелю в руки, а «Яблоку» не удостоили и этого.

– Это же ошметки! – возмущался вчерашний без пяти минут президент Евгений Примаков, хлопая дверью. Несколько дней обиженные меньшевики игнорировали заседания Госдумы, но кардинально изменить ситуацию это не помогло. В итоге коммунисты получили 9 комитетов, а «медведи» – 7. На первый взгляд, они добровольно отказались от одного портфеля в пользу коммунистов – лишь бы ничего не досталось врагу. Но «медведи» ничего не потеряли. В плюсе с 5 портфелями «Народного депутата» это было очень похоже на победу Кремля.

Именно тогда впервые заговорили о вертикали. Волошин выстраивал Думу под Кремль, и впервые парламент стал управляемым. К слову сказать, активисты «Единого» в том торге себя никак не проявили.

– Слишком принципиальные партии долго не живут. Если необходимо, надо уметь менять союзников. Умейте продавать себя, – внушал два года спустя Владислав Сурков «медвежьему» партактиву. Тогда же в 2000 году и его самого можно было встретить на выходе из кремлевской библиотеки, прижимающего к сердцу «Государя» Макиавелли. Сейчас эта книга, если верить WikiLeaks, стоит в кабинете Суркова на видном месте.

«Продав» «Единый» в союзники коммунистам, президентская администрация оказалась едва ли не в большем выигрыше, чем сам президент. Точнее, на тот момент и. о. президента.

Дело в том, что важным элементом торга с коммунистами была кандидатура спикера Госдумы. Пока еще с малыми фракциями кто-то разговаривал, на этот пост предлагались три серьезные кандидатуры. Одним из них номинировался Сергей Степашин, у которого были неплохие отношения с Примаковым и частью ОВР. Был он приемлем и для СПС, и для «Единого». Однако Степашин еще год назад, побывав в роли «преемника», показал полную неспособность следовать намеченному курсу. «Он продавливался всеми. Кто последним к нему в кабинет заходил – тот и был прав», – вспоминает близкий к Кремлю источник.

Такой спикер «медведям» был не нужен. Другой вариант – Примаков, на чьей кандидатуре настаивало большинство ОВР. Это предложение могло быть рассмотрено в случае достижения договоренностей между самим Примаковым и и. о. президента Путиным, которому через три месяца предстояло доказать избирателям, что он – лучший. Что могло быть в таком соглашении? Например, договоренность о том, что Примаков не идет в президенты, а если идет, то снимается прямо перед выборами или внятно поддерживает Путина, обеспечивая ему победу в первом туре. Но к тому моменту Кремль уже разуверился в избираемости Примакова, а отдавать спикерское кресло вчерашним врагам не хотелось – вдруг у них снова проснутся амбиции. Третьим был Геннадий Селезнев, устраивавший и кремлевских технологов, предполагавших в нем «управляемую оппозиционность», и коммунистов, которым это позволило бы сохранить лицо после сделки с теми, кого они должны безжалостно критиковать. Именно Селезнев в итоге и стал спикером, а Сурков доказал Путину, что ему можно доверить техобслуживание думской машины на время его президентства.

Конечно, современные коммунисты мало похожи на волков: смотрят они не только в лес, но и в сторону кремлевских благотворителей. И все же на роль стратегических союзников «медведей» в Думе «зюгановцы», которым рано или поздно пришлось бы отчитываться перед красным электоратом, не годились. Не удивительно, что уже через два года они потеряли все думские бонусы, добытые в ходе сепаратного сговора с «Единством».

Произошло это после того как Кремль санкционировал процесс объединения вчерашних врагов: «партии Путина» и «партии Лужкова – Примакова».

Еще до президентских выборов Владимир Путин фактически остался без политической оппозиции. Присягу ему принесли и правые, и союзники коммунистов – аграрии. Вынужден был это сделать и вчерашний недруг – Юрий Лужков. Примерно за неделю до выборов тогдашний столичный мэр объявил, что он «чувствует протянутую руку Путина и готов зафиксировать сотрудничество крепким рукопожатием».

Вообще-то месяцем раньше ни о какой поддержке не было и речи: Лужков трубил на всю Москву, что Путин для него – «открытая страница» и что «по сути, мы ничего о нем не знаем». После этого в следственном комитете МВД решили, что и правоохранные органы знают про Лужкова далеко не все, и начали полномасштабную проверку хозяйственной деятельности мэрии. Тут-то Лужков, вероятно, почувствовал «руку Путина», которая уже норовила ухватить его за горло, и срочно захотел дружить.

«Дружба» с Лужковым предполагала поддержку со стороны «Отечества», но что было делать с партией номенклатуры, не выбившейся в «партию власти»? В Кремле не было единой точки зрения на этот счет. Волошин с Сурковым выступали за объединение вчерашних врагов в один большой и полезный президенту актив: «Единство» + «Отечество» = правильно голосующая Дума. Шабдурасулов считал, что в этом есть что-то от обмана избирателей: почему побежденные должны становиться победителями? Куда полезнее, с его точки зрения, было бы сразу после победы на выборах заняться превращением «Единства» в полноценную сильную партию, а кто захочет присоединиться, для того двери не закрыты. Этот вариант не предполагал зачистки политической поляны под одного человека, а напротив, исходил из конкурентной логики. Но как раз она с 2000 года перестала быть в почете.

Партийные номенклатурщики не горели желанием расставаться со своими символами власти, следуя логике: «лучше маленький царек, чем большой приказчик». Около года «Единство» и «Отечество» находились в свободном плавании, пока у Кремля не возник предметный интерес к Москве: на конец 2001 года были намечены выборы в столичный парламент. Победить «Отечество» на территории Лужкова шансов у «медведей» не было, а «взять Москву» было необходимо. Другое дело, если выступить единым фронтом. Лужкову тоже

было о чем просить: губернаторы в то время были избираемыми, и вопрос о количестве сроков имел важное значение. В 2003 году Лужков хотел идти на третий срок, и Кремль согласился закрыть на это глаза – в счет последующего объединения.

Принципиально договориться об объединении удалось к апрелю. Шойгу и Лужков созвали пресс-конференцию и гордо заявили, что они наконец «перешагнули через личные амбиции» и готовы приступить к слиянию. Журналисты с интересом выслушали признания лидеров «Единства» и «Отечества» и назвали создающуюся конструкцию «ЕдиОт». Корабль поплыл в соответствии с названием. Через три месяца раздумий о том, как из двух структур слепить одну, партийцы объявили, что они столкнулись с непреодолимыми разногласиями. На помощь снова пришел Кремль: «старшие товарищи» подсказали, что если не лепится партия, надо лепить союз «Единства» и «Отечества». Ответственных за лепку поменяли, а общение новых «скульпторов» с тех пор проходило строго в присутствии Суркова.

Однако такие темпы партстроительства не устраивали ни администрацию президента, ни самого главу государства. Если одним из главных аппаратных принципов Бориса Ельцина было создание системы сдержек и противовесов, то Владимир Путин страховал свою административную машину за счет «дублеров». Есть в Кремле ответственный за партстроительство человек – Сурков, доставшийся Путину от старой администрации, в каком-то смысле даже «семейный». Перед ним поставлена задача: создать мощную центристскую партию и реформатировать Госдуму в машину для одобрения решений исполнительной власти. Но партия не создается! Между тем у Путина есть свои знакомые технологии, умеющие сдвигать процессы с мертвой точки. И если их запустить не в Кремль, а к партийцам, возможно, из этого выйдет толк.

Таким аппаратным мотором объединения должен был стать Александр Беспалов, работавший с Путиным в мэрии Собчака – там он возглавлял управление общественных связей. Как и Путину, Беспалову публичная политика не давалась. Покорять Госдуму в 1999 году он шел даже не в компании «Единства», а по списку НДР, так и не преодолевшему 5-процентный барьер. Сам же Беспалов занял в своем округе 9-е место из 13. В «медвежью» партноменклатуру неудавшийся депутат, трудившийся в Москве заместителем полпреда по Центральному федеральному округу, зашел на довольно скромную позицию. В мае 2000 года он был избран в политсовет «Единства», а уже летом 2001 года вошел в генсовет союза «Единства» и «Отечества» и возглавил исполком партийного гибрида. Теперь он стал главным ответственным за перспективу «совместной жизни». За те же три месяца, что его предшественники создавали «непреодолимые разногласия», команда Беспалова «объединяла» почестному. Даже проекты программных документов рабочие группы получали от него уже в почти чистовом варианте. Несколько раз детали объединения обсуждались в присутствии Путина.

3 октября 2001 года партийцы объявляют, что концепция изменилась: до конца года на политической карте страны появится новая большая партия, в которую войдут «Единство», «Отечество» и «Вся Россия» – всем этим структурам предстоял самороспуск. Для Шойгу и Лужкова это был самый больной вопрос. Именно Шойгу был единственным, кто на последнем съезде «Единства» голосовал «против» его расформирования уже после создания «Единой России»: «Конечно, я был за, но таким образом я хотел передать свои ощущения», – объяснял Шойгу, для которого «Единство» было «еще не МЧС, но где-то рядом с этим». Для однопартийцев, к слову, Шойгу был тоже кем-то большим, чем просто политическим лидером: когда он входил на заседания генсовета, все присутствовавшие вставали.

Не удивительно, что элементы принуждения к слиянию просматривались вплоть до самого объединения «Единства» и «Отечества». В середине октября в МЧС пришли сотрудники Генпрокуратуры и главной военной прокуратуры. Две недели они работали тихо, но за сутки до съезда, который должен был одобрить объединение, правоохранители вышли

из тени. В пятницу вечером информационные агентства разразились новостями об изъятии документов и чуть ли не возбуждении дела в отношении заместителя Шойгу. «Партийные разборки», – комментировали происходящее тогдашние сотрудники Белого дома. Что ж, не только Лужкову доводилось чувствовать где-то рядом с собой «руку Путина».

«Чего вы одних параноиков набрали?!» Партийное строительство в действии

Пока прокуроры пугали борцов со стихийными бедствиями, люди Беспалова всюду трудились над организацией проведения объединительного съезда. Это на разговоры о слиянии ушло больше года, а на подготовку съезда осталась всего неделя. Одним из активных «объединителей» был Андрей Богданов. Широкой общественности он стал известен по президентским выборам 2008 года. Масон и жгучий брюнет с демоническим взглядом, представлявшийся избирателям как демократический кандидат, набрал на них около 1 % голосов. В 2001 году он был довольно успешным политтехнологом, которому партия сказала «надо».

«Я возвращался с грибами с дачи – в телогрейке, джинсах, грязных башмаках, – вспоминает Богданов. – Вдруг в районе Кубинки звонок. Звонили со Старой площади, от Беспалова.

– У тебя паспорт с собой? – В кармане телогрейки паспорт почему-то оказался. – Ну и отлично, тогда срочно приезжай в администрацию!

Времени на бритье и переодевание, конечно же, не было. Беспалов, будучи замом полпреда, сидел в 10-м подъезде администрации президента. Незадолго до описываемых событий там был пожар. Запах гари и обугленные стены выступали подходящим интерьером для пожарного партстроительства. Телогрейка Богданова тоже была там вполне кстати. И только дежуривший на входе ФСОшник отказывался верить своим глазам и все повторял:

– Нет, вам точно сюда?

Причина для спешки была более чем серьезной. Дело в том, что юридически новая партия создавалась с нуля, а это означало, что за оставшуюся до съезда неделю весь аппарат «Единства» нужно уволить и где-то по новой набрать 300 человек – уже для объединенной структуры. Зачем так много? Так ведь только для того, чтобы набивать фамилии и контакты новых членов, нужно около сотни референтов – они сидели на отдельном этаже, который в историю партии вошел под названием «женский».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.